

Н. П. Матханова

Декабристы после амнистии: реинтеграция в дворянское общество*

Перед вернувшимися после амнистии декабристами встала проблема реинтеграции в дворянское общество, рассматриваемое как «определенный социальный институт», «социальная корпорация»¹. Возможности и способы решения проблемы, трудности, встречавшиеся на этом пути у разных людей, в разных обстоятельствах были различными, хотя можно выявить и общие черты.

Из отбывших наказание в Сибири и/или на Кавказе, в том числе состоявших на службе, вернулось около 40 человек. Остались в Сибири 10 или 12 человек (точных сведений о двух не имеется). Несколько человек скончались вскоре после возвращения, некоторые по возрасту и болезненному состоянию не могли принимать активного участия в общественной жизни. Практически все следили за событиями пред- и пореформенного времени, многие успели стать авторами мемуарного и эпистолярного наследия, участвовали в обсуждении условий и хода крестьянской реформы, а отдельные лица принимали практическое участие в ее осуществлении.

Жизнь и деятельность декабристов после амнистии и возвращения не становились предметом рассмотрения, преимущественно в биографическом аспекте², изучалось отношение декабристов к крестьянской реформе и практическая деятельность по ее осуществлению³. П. В. Ильин и В. А. Шкерин характеризуют «уцелевших», «декабристов без декабря», находившихся на службе

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024–0006).

при Николае I⁴. Этих людей, вероятно, тоже можно было бы рассматривать как особую социально-культурную группу, некий «невидимый колледж».

Вернувшиеся после амнистии декабристы представляли собой реально существовавшее сообщество, осознавали и поддерживали свою общность, называя ее «la grande famille» («большая семья»), следили за судьбой и деятельностью друг друга. У них были схожие проблемы, одной из которых являлась реинтеграция в дворянское общество.

Процесс этот имел две стороны — институциональную и неформальную. Первая предполагала внесение в губернские родословные книги и вхождение в губернское дворянское общество. Это делало возможным участие в дворянских выборах, а в 1860-е гг. — занятие должностей по крестьянским делам. Вторая проявлялась в восстановлении коммуникаций, возвращении к светской жизни.

Необходимым, хотя и недостаточным условием для возвращения в дворянское общество являлось наличие собственности, желательно имения. Это было необходимо для участия в выборах, способствовало восстановлению неформальных коммуникаций с соседями и приобретению соответствующего статуса. Ситуацию осложняло то, что до ареста большинство декабристов по молодости не были самостоятельными хозяевами, к тому же как офицеры они обычно жили вне провинциальной дворянско-помещичьей среды. По приговору декабристы лишались прав на имущество, его наследовали родственники. После амнистии они, хотя и не все, вернули его. П. Н. Свистунов «получил от своего брата часть отцовского наследства»⁵. М. А. Назимов получил от брата перешедшее тому после приговора имение⁶. И. А. Анненков получил часть своего наследства⁷. Воспитанница М. И. Муравьева-Апостола А. П. Созонович сообщала, что В. И. Муравьев-Апостол передал брату 500 душ, хотя и заложенных, и деньгами 1500 руб. серебром⁸. Матвей Иванович признавал: «...он сделал для [меня] все, что мог. Дела его в совершенном расстройстве»⁹. Иногда унаследованное от осужденных имущество не возвращалось из корыстных соображений, иногда для этого имелись объективные причины — имения находились в залоге, были обременены долгами. Вообще, как известно, значительная часть дворянства ко времени реформ находилась в весьма стесненном финансовом положении. Следует отметить, что чаще всего отказ амнистированных от возвращения из Сибири был связан с отсутствием в Европейской России собственности и надежд на ее получение. И. И. Горбачевский так и писал: «...как ехать без денег и не имея ничего в будущем»¹⁰.

Первым шагом по возвращению в дворянское общество обычно становилось восстановление родственных и дружеских связей. Ю. М. Лотман констатировал, что «родственно-приятельские отношения — клубные, бальные, светские или же полковые походные знакомства — связывали декабристов не только с друзьями, но и с противниками»¹¹. Но эта сеть была плотной и разветвленной до 1825 г. Иной она оказалась после приговора и даже после амнистии. Хотя

многие (но не все) декабристы переписывались с остававшимися «в России» близкими, однако личные встречи с эмоциями, переживаниями и определением дальнейших перспектив произошли после возвращения.

Естественно, возвращаясь, люди заезжали к родным и останавливались у них. М. И. Муравьев-Апостол с семьей приехал в дом своих племянников Бибиковых, И. Д. Якушкин — к сыну, А. В. Поджио — к племяннику, С. П. Трубецкой — к сестре, Е. П. Оболенский жил в Калуге одной семьей с сестрой¹², и т. д.

Возможности использования родственных связей для реинтеграции в дворянское общество зависели от их плотности и разветвленности. Их практически не было у сына итальянских эмигрантов А. В. Поджио, поэтому конфликт с племянниками привел к тому, что он мог рассчитывать лишь на друзей. Иное дело — Волконские, Трубецкие, Нарышкины или Назимовы, которые были в родстве и свойстве с Набоковыми, Пушными, Голицыными и др. У них было совсем иное положение, иная разветвленность и численность родственников и свойственников, многие из них принадлежали к высшим слоям дворянства. Вообще проблемы реинтеграции легче решались теми из вернувшихся, кто по рождению принадлежал к высшим слоям дворянства.

Трудностей, так сказать, внешнего характера, в процессе реинтеграции в дворянское общество не встречал, в частности, С. Г. Волконский. А. В. Ентальцева писала И. И. Пущину о жизни Волконских в Москве: «Дом их стал модным, беспрестанные посещения дам-аристократок, ищущих знакомства с княгиней и Неллиной, к Сер[гею] Гри[горьевичу] также непрерывно являются для представления или для возобновления старого знакомства»¹³, у них «полна гостиная посетителей, разговор господствующий об освобождении»¹⁴. Были у С. Г. Волконского встречи и с представителями иных кругов — например со славянофилами, А. И. Герценом, Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, Н. В. Шелгуновым¹⁵. П. Н. Свистунов, посетивший Нижний Новгород, где губернаторствовал А. Н. Муравьев, познакомился «с целым городом»¹⁶. И. Д. Якушкина во время его короткого пребывания в Москве посещали «многие близкие люди и старые знакомые»¹⁷. Вообще в письмах ряда декабристов встречаются упоминания о встречах со старыми знакомыми. Так, для В. И. Штейнгейля важно было «восстановление старых дружеских связей, внимание однокашников, давно ставших “превосходительствами”», однако у него появились и «новые, молодые друзья», в том числе почти весь круг «Библиографических записок»¹⁸.

Весьма важным моментом являлось причисление к дворянству определенной губернии. Так, А. Е. Розен писал Е. П. Оболенскому из имения жены в Харьковской губернии, где поселилась семья: «Ты предполагаешь, что я имею честь принадлежать к сословию дворян харьковских, нет, любезный друг, до сего времени мне эта честь не предложена, а я сам уже слишком стар, чтобы искать ее, и довольствуюсь тем, что вся корпорация дворян эстляндских<...> приняла меня и всех моих сибирских детей в сословие рыцарское»¹⁹. Г. С. Батеньков

сообщал И. И. Пущину 29 января 1858 г.: «Изволите знать и ведать, что есть теперь калужский дворянин, записанный по всей форме со взысканием гербовой бумаги по протоколу депутатского собрания чуть ли не в книгу под № 1/10»²⁰.

Нередко общество оказывало особое внимание вернувшимся декабристам. Об этом Е. П. Оболенский 28 января 1862 г. писал М. И. Муравьеву-Апостолу: «Петр Николаевич (Свистунов. — *Н. М.*), как член присутствия [по крестьянским делам], не может не обращать на себя общего внимания, Гаврило Степанович Батенков пользуется сочувствием по личному его характеру, уму чисто русскому и несомненным достоинствам. Но твой покорный слуга стоит наравне со всеми, переживавшими много горя, но не заявлявшими себя ничем, ни какой-либо полезной деятельностью, через которую личность получает характер общественного. <...> Вообще надо сказать, друг Матвей Иванович, мы представляем знамя, и оно служит только для того, чтоб не выразить словом того, что на душе у каждого лежит, но не заявляется гласно»²¹.

Во время подготовки и проведения крестьянской реформы обострилась борьба внутри дворянского общества. Споры и столкновения происходили в губернских комитетах по крестьянским делам, на съездах мировых посредников, в неформальных кружках, при встречах в местном свете.

Став собственниками имений, амнистированные декабристы получили право на занятие выборных и назначаемых от правительства должностей. По закону «мировыми посредниками могли стать местные потомственные дворяне, владевшие не менее 500 десятин земли <...> Имущественный ценз посредников <...> учитывал всю землю помещика в уезде, <...> а при ее недостатке в других уездах и даже губерниях. Кроме того, в счет ценза допускалось включать земле-владение родителей и жены»²².

Членами губернских по крестьянским делам присутствий были П. Н. Свистунов в Калужской губернии²³, С. И. Кривцов — в Орловской²⁴, М. А. Назимов — в Псковской²⁵, И. А. Анненков — в Нижегородской. Мировыми посредниками являлись А. Е. Розен — в Изюмском уезде Харьковской губернии, где находилось имение его жены²⁶, М. И. Пущин — в Бобруйском уезде Минской губернии²⁷. Вопреки устоявшемуся мнению, Е. П. Оболенский не был мировым посредником — его имени нет в перечне мировых посредников Калужской губернии²⁸, где его родственник кн. А. В. Оболенский являлся членом губернского крестьянского комитета²⁹. В то же время Е. П. Оболенский постоянно присутствовал на заседаниях комитета³⁰. Нет официальных подтверждений³¹ встречающемуся в литературе утверждению, что в 1861 г. М. А. Бодиско «был избран “мировым посредником”»³². М. А. Назимов писал М. М. и Е. П. Нарышкиным в 1858 г., что став членом от правительства в Псковском губернском по крестьянским делам комитете, он сразу же начал собирать материалы для работы³³. А 26 ноября 1858 г. он с гордостью писал Нарышкиным: «<...> все сведения, справки с законами, план занятий и самый порядок производства дел были мною приготовлены до начала работы комитета; все это было утвержде-

но в первом же заседании»³⁴. В Нижегородской губернии И. А. Анненков избирался уездным предводителем дворянства, в 1858 г. он был «назначен членом от правительства в губернском комитете по устройству быта помещичьих крестьян», в 1861 г. его «избрали нижегородским губернским предводителем дворянства»³⁵, позже он стал председателем Нижегородской земской управы. М. И. Муравьев-Апостол, не занимавший официальных должностей, бывал на заседаниях губернского комитета, общался и переписывался с А. М. Унковским, одобрял и поддерживал деятельность его и его сподвижников³⁶.

П. Н. Свистунов был назначен в Калужский губернский «комитет по улучшению быта помещичьих крестьян» и, как «признанный знаток финансового дела», стал членом финансовой комиссии комитета, подготовил отражавшие позиции либералов «Главные основания выкупного проекта»³⁷. Вскоре он оказался в эпицентре борьбы в Калуге, «крепостники» писали на него доносы, обвиняли его в преследовании помещиков, кричали ему публично: «каторжник» и т. п. В начале 1863 г. Свистунов подал в отставку, протестуя против политики нового министра внутренних дел П. А. Валуева и нового калужского губернатора Э. В. Лерхе³⁸.

Должности мировых посредников, членов крестьянских комитетов приводили к постоянным и неизбежным контактам с помещиками. А. Е. Розен замечал: «Каждый четверг заседаю, <...> приезжают иногда и помещики, и даже дамы»³⁹. В октябре 1864 г. он писал Е. П. Оболенскому, что участвовал в совещании «о способах улучшения материального быта духовенства» как член комиссии, «в которую созваны были представители от дворянства, от купечества, от мещанства, от духовенства и от крестьянства»⁴⁰. Вообще А. Е. Розен видел в своем участии в осуществлении крестьянской реформы в высшей степени своеобразное продолжение дела декабристов. Он писал Нарышкиным 28 июля 1861 г. о своей занятости делами как мирового посредника: «Все это делаю с радостью в воспоминание ваше и наших добрых друзей, живущих и отошедших, которых высокие и благородные помыслы мне суждено привести в действие»⁴¹. Как мировой посредник, он встречал императрицу Марию Александровну на границе своего участка, и на вопрос, не трудно ли ему выполнять свои обязанности в немолодые годы, ответил: «<...> меня поддерживает воспоминание и память о моих товарищах по несчастью, которых уже нет и которые все мечтали об этой реформе»⁴². Независимо от того, насколько соответствовало это утверждение взглядам большинства доживших до реформ декабристов, оно выражало самоощущение самого Розена. Рассказывая М. М. и Е. П. Нарышкиным об этой встрече, он писал: «<...> моя незначительная личность составит редкую страницу в венке его (Александра II. — Н. М.) царствования реформами для блага человечества, когда напишут, что декабрист 1825 года исполнял обязанности мирового в 1861»⁴³. Он следил за аналогичной деятельностью других декабристов, двумя годами раньше писал Е. П. Оболенскому о П. Н. Свистунове: «Я рад, что он член Комитета, у него хорошая

голова, да и сердце на месте»⁴⁴; «...в Пскове усердно трудится наш Назимов, в Минске Мих. Пущин, у них дела подвигаются»⁴⁵. В 1865 г. с грустью констатировал в письме Е. П. Нарышкиной: «Из наших пятерых, служивших по мировым учреждениям, остались только двое — Назимов и я. Способнейший из нас Свистунов ретиво боролся с крепостниками заклятыми. Михаил Пущин в почетной отставке, Кривцов умер»⁴⁶.

Вернувшиеся декабристы разными способами высказывали свое мнение по крестьянскому вопросу — в письмах, статьях, дискуссиях в неформальной обстановке.

Позиция С. Г. Волконского нашла отражение в «Записке о крепостном праве»⁴⁷, часть ее была опубликована Н. Ф. Караш, включившей анализ документа в свою монографию⁴⁸. Письма Е. П. Оболенского к товарищам и к Я. И. Ростовцеву содержат оценки готовящейся реформы и состояния общества, рассуждения о возможных перспективах и о деятельности правительства⁴⁹. Г. С. Батеньков, П. Н. Свистунов и Е. П. Оболенский участвовали в кружке калужских мировых посредников, поддерживавших губернатора-либерала В. А. Арцимовича⁵⁰.

Некоторые декабристы столкнулись с серьезным внутренним противоречием. Как люди с антикрепостническими убеждениями, к тому же в большинстве своем поддерживавшие необходимость освобождения крестьян с землей, они выступали за скорейшее и успешное осуществление реформы. Но отцы семейств не могли не беспокоиться о благополучии детей, особенно несовершеннолетних. Эту сторону проблемы обычно не учитывали, упрекая декабристов в непоследовательности в «практическом применении своих идей»⁵¹.

Воспитанница М. И. Муравьева-Апостола А. П. Созонович передавала грустные его размышления по поводу получения 500 душ от сводного брата — и «совершенно и неловко написать слово *душ*, но что же делать, надо же чем-нибудь существовать, хотя и больно знать, что есть души, которые принадлежат нам»⁵². Остро осознавал эту проблему Е. П. Оболенский, который должен был участвовать в управлении имениями сестры и лично присутствовать «при проверке уставной грамоты»⁵³. Хотя у Оболенского и не было большого опыта в хозяйствовании, он предвидел реальные угрозы для земледелия и сельского хозяйства вообще — падение урожайности и бедствия в условиях обычного неурожая при отсутствии запасов («магазины наши пусты, запасов нет, 1/3 полей совсем не засеяна, а остальные обработаны без старанья!»)⁵⁴. Свистунов в 1857 г. ездил входить во владение полученным от родных имением и, вероятно, с его слов Оболенский писал Пущину: «Не знаю, что он от них получит, но недоборы за прошедшие годы весьма значительны»⁵⁵. Очень сложным было положение А. В. Поджио, который как арендатор имения, унаследованного внуком С. Г. Волконского семилетним Сергеем Молчановым, должен был составить и согласовать уставную грамоту. Н. А. Белоголовый вспоминал, что старый декабрист «сознавал лежавшую на нем ответственность, как бы не обидеть му-

жиков, а с другой стороны, как бы не поступить чересчур в ущерб интересам малолетнего землевладельца»⁵⁶.

Е. П. Оболенскому принадлежат размышления о роли дворянства в будущем развитии страны, определении им своего места. Близкие идеи высказывали тверские либералы и другие представители либерального крыла в русской общественной мысли. Как и они, Оболенский считал необходимым превращение дворянства, говоря современным языком, в сознательного актора осуществления насущных преобразований, сохраняющего известную автономию от государства. В письмах к Ростовцеву он «отстаивает сохранение преобладающей политической роли дворянства», поскольку «это наиболее образованный, развитый и просвещенный класс»⁵⁷. М. И. Муравьеву-Апостолу он писал 12 января 1862 г.: «Хотя дворянское сословие находится ныне в каком-то неопределенном раздражительном состоянии, но и оно постепенно приходит к сознанию своего политического положения и заявляет некоторые разумные желания, которые со временем могут принести хорошие плоды»⁵⁸. Позже он уточнял, что «стремление дворянства составить отдельное сомкнутое сословие, в роде венецианской аристократии, немыслимо»⁵⁹. А 18 февраля 1862 г. он прямо указывает: тверские посредники «составляют нашу передовую фалангу, которая ратует против целого сонма дворянства», и предсказывает: когда «новые права <...> войдут в плоть и кровь народную, <...> фаланга сойдет со сцены, а дворянство примкнет к крестьянству»⁶⁰.

Подводя итоги, следует отметить, что большинству из вернувшихся после амнистии декабристов удалось осуществить процесс реинтеграции в дворянское общество, как в институциональном, так и в неофициальном отношениях. Имена их самих и их сибирских детей были вписаны в родословные книги, очень многие вновь получили имения, хотя нередко и не в прежних размерах, некоторые участвовали в осуществлении крестьянской реформы, почти все восстановили дружеские и родственные коммуникации. Встреченные на этом пути препятствия преодолевались более или менее успешно. Декабристы сотрудничали с представителями просвещенной бюрократии, органично включились в общественно-политическую жизнь и заняли в ней свое особое место.

¹ Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 4, 132.

² Бородавкин А. П., Шатрова Г. П. Декабрист Г. С. Батеньков. Томск, 1960; Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965; Шатрова Г. П. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973; Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. Улан-Удэ, 1980; Шатрова Г. П. Декабрист Д. И. Завалишин. Проблемы формирования дворянской революционности и эволюция декабризма. Красноярск, 1984; Миронова И. Я. Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин. М., 1987; Караш Н. Ф. Князь Сергей Волконский: история жизни

- декабриста. Иркутск, 2006; *Добринская Л. Б.* Декабрист Евгений Оболенский после сибирской ссылки // Освободительное движение в России. Вып. 2. Саратов, 1971. С. 33–55; *Рабкина Н. А.* Декабрист Г. А. Батеньков в годы революционной ситуации // Исторические записки. Т. 96. М., 1976. С. 174–196; и др.
- ³ *Рабкина Н. А.* Отчизны внеземлем призыванье... М., 1976; *Герасимова Ю. И.* Декабрист А. Н. Муравьев в годы первой революционной ситуации // История СССР. 1979. № 4. С. 164–179; *Нарусова Л. Б.* Крестьянский вопрос и декабристы в период первой революционной ситуации // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 65–77; и др.
 - ⁴ Декабристы: реформы или революция? Коллективная монография / Отв. ред. П. В. Ильин. СПб., 2025. С. 299–406.
 - ⁵ Декабристы. Биографический справочник / Сост. С. В. Мироненко. М., 1988. С. 164.
 - ⁶ *Попов О. В.* Комментарий // Назимов М. А. Письма, статьи / Изд. подгот. О. В. Поповым. Иркутск, 1988. С. 208. (Сер. «Полярная звезда»).
 - ⁷ *Волконский С. Г.* Письмо И. И. Пущину, 20 августа 1857 г. // Летописи Государственного литературного музея. Кн. 3. Декабристы / Ред. Н. П. Чулкова. М., 1938. С. 115.
 - ⁸ *Созонович А. П.* Письмо И. И. Пущину, 4 марта 1857 г. // Там же. С. 208–209.
 - ⁹ *Муравьев-Апостол М. И.* Письмо И. И. Пущину, 20 апреля 1857 г. // Там же. С. 210, 221.
 - ¹⁰ *Горбачевский И. И.* Письмо Д. И. Завалишину от 5 июля 1862 г. // Горбачевский И. И. Записки. Письма / изд. подгот. Б. Е. Сыроечковский, Л. А. Сокольский, И. В. Порох. Л., 1963. С. 203.
 - ¹¹ *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XX века). СПб., 1994. С. 378.
 - ¹² Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907. С. 58.
 - ¹³ Летописи. С. 119.
 - ¹⁴ Там же. С. 146.
 - ¹⁵ *Караи Н. Ф.* Князь Сергей Волконский. С. 308–309, 323–325.
 - ¹⁶ *Свистунов П. Н.* Письмо И. И. Пущину, 29 января 1857 г. // Летописи. С. 306.
 - ¹⁷ *Якушкин И. Д.* Письмо И. И. Пущину, 10 апреля 1857 г. // Там же. С. 466.
 - ¹⁸ *Зейфман Н. В.* Декабрист Владимир Иванович Штейнгейль // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма / Изд. подгот. Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым. Иркутск, 1985. С. 47. (Сер. «Полярная звезда»).
 - ¹⁹ *Розен А. Е.* Письма декабриста / Изд. подгот. Г. А. Невелевым. СПб., 2008. С. 238.
 - ²⁰ *Батеньков Г. С.* Письмо И. И. Пущину, 29 января 1858 г. // Летописи. С. 54.
 - ²¹ Декабристы. Материалы для характеристики. С. 73.
 - ²² *Устьянцева Н. Ф.* Институт мировых посредников в крестьянской реформе // Великие реформы в России, 1856–1874. М., 1992. С. 167.
 - ²³ Памятная книжка Калужской губернии на 1862 год. Калуга, 1862. С. 2.
 - ²⁴ Памятная книжка Орловской губернии на 1864 год. Орел, 1864. С. 3 (паг. 2-я).
 - ²⁵ Памятная книжка Псковской губернии на 1862 год. Псков, 1862. С. 4.
 - ²⁶ Памятная книжка Харьковской губернии на 1863 год. Харьков, 1863. С. 138.
 - ²⁷ Памятная книжка Минской губернии на 1861 год. Минск, 1861. С. 173.
 - ²⁸ Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1861 год. С. 21, 26, 31, 34, 38, 43, 47, 51, 55, 60, 64.
 - ²⁹ Там же. С. 10.
 - ³⁰ *Ильин П. В.* Предисловие // Переписка Е. П. Оболенского с Я. И. Ростовцевым / Изд. подгот. П. В. Ильиным. СПб., 2011. С. 13.
 - ³¹ Имени М. А. Бодиско нет среди мировых посредников в Памятной книжке Тульской губернии на 1862 г. Вероятно, ошибка вызвана тем, что в 1844 г. М. А. Бодиско был назначен «уполномоченным по полюбовному размежеванию чересполосных земель государственных крестьян» (*Цветкова Н. А.* Моряки-декабристы братья Бодиско // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. Вып. V. СПб., 2001. С. 368). Этот факт подтверждается официальными изданиями (см.: Адрес-календарь Тульской губернии на 1848 год. Тула, 1848. С. 9).

- ³² Цветкова Н. А. Моряки-декабристы братья Бодиско. С. 369.
- ³³ Назимов М. А. Письма, статьи. С. 127.
- ³⁴ Там же. С. 132.
- ³⁵ Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 год. Нижний Новгород, 1865. С. 60.
- ³⁶ Лумпанова Г. А. Декабрист Матвей Муравьев-Апостол и тверские реформаторы // Тверская старина. 2011. № 33. С. 50–52; № 34. С. 27.
- ³⁷ Федоров В. А. Декабрист Петр Николаевич Свистунов // Свистунов П. Н. Сочинения и письма. Т. 1. Сочинения. Письма (1825–1840) / Изд. подгот. В. А. Федоровым. Иркутск, 2002. (Сер. «Полярная звезда»). С. 35.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Розен А. Е. Письма. С. 253 (Письмо Е. П. Оболенскому от 12 декабря 1861 г.).
- ⁴⁰ Там же. С. 270–271.
- ⁴¹ Там же. С. 250–251.
- ⁴² Там же. С. 252.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 234 (Письмо Е. П. Оболенскому от 31 марта 1859 г.).
- ⁴⁵ Там же. С. 232 (Письмо Е. П. Оболенскому от 21 января 1859 г.).
- ⁴⁶ Там же. С. 274 (Письмо Е. П. Нарышкиной от 26 января 1865 г.).
- ⁴⁷ Волконский С. Г. Записка о крепостном праве / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. Ф. Караш // 14 декабря 1825 года. Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб., 2001. С. 229–258.
- ⁴⁸ Караш Н. Ф. Князь Сергей Волконский. С. 318–322.
- ⁴⁹ Ильин П. В. Предисловие. С. 12, 15–16.
- ⁵⁰ Матханова Н. П. В. А. Арцимович и декабристы // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32, № 4. С. 22–23.
- ⁵¹ Нарусова Л. Б. Крестьянский вопрос и декабристы в период первой революционной ситуации. С. 70–73.
- ⁵² Созонович А. П. Письмо И. И. Пущину, 4 марта 1857 г. // Летописи. С. 208.
- ⁵³ Декабристы. Материалы для характеристики. С. 77. (13 мая 1862 г.).
- ⁵⁴ Там же. С. 70, 71. (15 ноября 1861 г.).
- ⁵⁵ Оболенский Е. П. Письмо И. И. Пущину, 21 апреля 1858 г. // Летописи. С. 241.
- ⁵⁶ Белоголовый Н. А. А. В. Поджио // Знаменский М. С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 352.
- ⁵⁷ Ильин П. В. Предисловие. С. 18.
- ⁵⁸ Декабристы. Материалы для характеристики. С. 72.
- ⁵⁹ Там же. С. 74.
- ⁶⁰ Там же.

References

- Andreeva, T. V. *Taynye obschestva v Rossii v pervoi treti XIX v.: pravitel'stvennaya politika i obschestvennoe mnenie* [The Secret Societies in Russia in the Early 19th Century: Government Policies and Public Opinion. In Russ.]. St. Petersburg, Liki Rossii publ., 2009. 912 p.
- Dobrinskaya, L. B. Dekabrist Evgeniy Obolenskii posle sibirskoi ssylki [Decembrist Evgeny Obolensky after Siberian Exile. In Russ.]. In *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii, Saratov*, 1971, iss. 2, pp. 33–55.
- Ilyin, P. V. (ed.). *Dekabristy: reformy ili revolyutsiya* [Decembrists: Reforms or Revolution? In Russ.]. St. Petersburg, Nauka publ., 2025, 479 p.
- Ilyin, P. V. Predislovie [Preface. In Russ.]. In Ilyin, P. V. (ed.) *Perepiska E. P. Obolenskogo s Ya. I. Rostovtsevym*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya publ., 2011, pp. 5–25.

Karash, N. F. *Knyaz' Sergei Volkonskii: istoriya zhizni dekabrista* [Prince Sergey Volkonsky: The Life Story of a Decembrist. In Russ.]. Irkutsk, Irkutsk Museum of the Decembrists press, 2006, 364 p.

Lumpanova, G. A. Dekabrist M. I. Muravyov-Apostol i tverskie reformatory [The Decembrist M. I. Muravyov-Apostol and the Tver Reformers. In Russ.]. In *Tverskaya starina*. 2011. No. 33, pp. 45–59; No. 34, pp. 23–30.

Matkhanova, N. P. V. A. Artsimovich i dekabristy [V. A. Artsimovich and Decembrists. In Russ.]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2025. Vol. 32, no. 4, pp. 17–25. DOI: 10.15372/HSS.20250402

Narusova, L. B. Krestyanskii vopros i dekabristy v period pervoi revolyutsionnoi situatsii [The Peasant Question and the Decembrists during the First Revolutionary Situation. In Russ.]. In Tsamutali, A. N. (ed.). *Obshchestvennaya mysl' v Rossii XIX v.* Leningrad, Nauka publ., 1986, pp. 65–77.

Ustyantseva, N. F. Institut mirovykh posrednikov v krestyanskoi reforme [The Institution of Peace Mediators in the Peasant Reform. In Russ.]. In Zakharova, L., Eklof, B., Bushnell, J. (eds.). *Velikie reformy v Rossii, 1856–1874*. Moscow, Moscow University press, 1992, pp. 166–184.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. П. Матханова. Декабристы после амнистии: реинтеграция в дворянское общество // Петербургский исторический журнал. 2026. № 3. С. 91–101. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_91

Аннотация. В статье рассматриваются процесс и результаты реинтеграции в дворянское общество декабристов, вернувшихся после амнистии из Сибири и с Кавказа. Процесс реинтеграции имел две взаимосвязанные стороны — формальную, или институциональную, и неформальную. Первая предполагала причисление к губернским дворянским организациям, получение прав участвовать в выборах и занимать ряд должностей. Вторая заключалась в восстановлении дружеских, светских, а иногда и родственных связей. Все это было связано с получением имущества, права на наследование которого они были лишены по приговору. Успешность процесса реинтеграции зависела от многих факторов, в том числе имущественного положения, принадлежности к определенному слою дворянства, прочности и разветвленности связей. Большинство амнистированных, но не все, были приняты родственниками и бывшими друзьями, возникали сложности с возвращением и получением имений, что было важно и для вхождения в институты, и для установления и упрочения неформальных коммуникаций. Иногда местное дворянское общество противилось включению в свои ряды прощенных «государственных преступников». С другой стороны, либерально настроенная его часть стремилась к сближению с ними. Декабристы более или менее активно участвовали в обсуждении условий и хода крестьянской реформы 1861 г., несколько человек приняли активное участие в ее практическом осуществлении, став мировыми посредниками и членами губернских комитетов по крестьянским делам. Большинство вернувшихся сумели более или менее успешно реинтегрироваться в дворянское общество и занять в нем особое место.

Ключевые слова: декабристы, дворянское общество, амнистия, реинтеграция, крестьянская реформа 1861 г., мировые посредники, М. А. Назимов, Е. П. Оболенский, А. Е. Розен, П. Н. Свистунов.

FOR CITATION

N. P. Matkhanova. The Decembrists after the Amnesty: Reintegration into Noble Society // Petersburg Historical Journal, no. 3, 2026, pp. 91–101. DOI 10.51255/2311–603X_2026_3_91

Abstract. This article examines the process and outcomes of the reintegration of those Decembrists who returned from Siberia and the Caucasus following the 1856 amnesty into the Russian noble society (*dvoryanstvo*). The process of reintegration was characterized by two interconnected dimensions: the formal (institutional) and the informal. The former involved enrollment in provincial noble assemblies, the restoration of voting rights, and the eligibility to hold various administrative offices. The latter focused on the restoration of social, friendly, and even familial ties. Central to both was the restitution of property and inheritance rights, of which the Decembrists had been deprived by their original court sentences. The success of this reintegration depended on several factors, including the individuals' financial standing, their specific rank within the nobility, and the strength of their social networks. While the majority (but not all of them) of the amnestied

individuals were welcomed back by relatives and former peers, many faced significant obstacles in recovering estates — a crucial element for both institutional standing and the consolidation of informal social status. The reaction of local noble communities was mixed: while some resisted the inclusion of pardoned “state criminals” into their ranks, liberal-minded circles sought rapprochement with them. The Decembrists actively engaged in the discourse surrounding the Peasant Reform of 1861, with several individuals playing a pivotal role in its implementation as Peace Mediators and members of provincial committees on peasant affairs. Ultimately, most of the returning Decembrists successfully reintegrated into the nobility, carving out a unique and influential social niche.

Key words: Decembrists, Noble Society, Amnesty, Reintegration, Peasant Reform of 1861, Peace Mediators, M. A. Nazimov, E. P. Obolensky, A. E. Rozen, P. N. Svistunov.

Автор: **Матханова, Наталья Петровна** — д. и. н., проф.; главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия).

Author: **Matkhanova, Natalia Petrovna** — Dr. of Sci. in History, Professor; Chief Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

E-mail: nmatkhanova@mail.ru
ORCID 0000-0003-2155-2982